

ГАЛИНА УЛЬЯНОВА

КУПЧИХИ, ДВОРЯНКИ, МАГНАТКИ

**ЖЕНЩИНЫ-
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬНИЦЫ
В РОССИИ XIX ВЕКА**

**ЧТО
ТАКОЕ
РОССИЯ**

Что такое Россия

Галина Ульянова

**Купчихи, дворянки, магнатки.
Женщины-предпринимательницы
в России XIX века**

«НЛО»

2021

УДК 65.290-03(2)52 + 63.3(2)52-284.3
ББК [323.326-055.2](091)(47+57)«18»

Ульянова Г.

Купчихи, дворянки, магнатки. Женщины-предпринимательницы в России XIX века / Г. Ульянова — «НЛО», 2021 — (Что такое Россия)

ISBN 978-5-44-481648-6

Тех, кто полагает, будто в России XIX века женщины занимались сугубо домашним хозяйством и воспитанием детей, а в деловом мире безраздельно правили мужчины, эта книга убедит в обратном. Опираясь на свои многолетние исследования, историк Галина Ульянова показывает, что в вопросах финансов и заключения сделок хорошо разбирались как купеческие дочери, так и представительницы всех экономически активных сословий. Социальный статус предпринимательниц варьировался от мещанок и солдаток, управлявших небольшими ремесленными предприятиями и розничными магазинами, до магнаток и именитых купчих, как владелица сталепрокатных заводов дворянка Надежда Стенбок-Фермор и хозяйка крупнейших в России текстильных фабрик Мария Морозова. Каково было отношение этих женщин к богатству? Какие стратегии развития бизнеса они избирали? Удавалось ли предпринимательницам совмещать твердость в бизнесе с мягкостью и заботой в семье? Автор отвечает на эти вопросы, приводя десятки фантастических историй женского успеха, которые переворачивают наши представления о месте женщин в дореволюционном обществе. Галина Ульянова – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, автор семи книг по истории купечества и благотворительности.

УДК 65.290-03(2)52 + 63.3(2)52-284.3
ББК [323.326-055.2](091)(47+57)«18»

ISBN 978-5-44-481648-6

© Ульянова Г., 2021

© НЛО, 2021

Содержание

Введение	6
Глава 1. Образ русской женщины и его метаморфозы	7
Законодательство: Кто в России мог заниматься предпринимательством?	8
Как женщины записывались в купечество	10
Имущественное положение женщины в России	13
«Одеть армию»: Предпринимательство аристократок в суконной промышленности	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Галина Ульянова

Купчихи, дворянки, магнатки. Женщины-предпринимательницы в России XIX века

Введение

В 1832 году в Москве, в Университетской типографии, был опубликован «нравственно-повествовательный» (как было обозначено на титульной странице) роман Александра Орлова под цветистым названием «Анна, купеческая дочь, или Бархатный ридикуль из Галантерейного ряду». В романе рассказывалось о молодом торговце галантереей из Китай-города Валериане, который за улыбки кокетливых покупательниц снижал цену до минимума, постепенно дойдя до разорения.

Валериана спасло от банкротства благоразумие молодой красавицы-покупательницы Анны, купеческой дочери. Анна прислала ему письмо со следующим советом:

*Валериан! Я – купеческая дочь, имя мое Анна. От отца и брата слышала я, что ты в кредит упал, продавая женецинам за бесценнок свои товары, которых тебе для лавки своей уже купить будет не на что, а на кредит уже иметь не можешь. По крайней мере, я так слышала от отца и брата, которые, зная все купеческие обороты, имея сами большие спекуляции, редко ошибаются как в расчетах, так и в суждениях о торговых людях. Я искренно о тебе сожалею и желаю от чистого сердца, чтоб ты поправил дела свои.
Анна.*

Анна, до поры до времени оставаясь инкогнито, прислала Валериану 1000 рублей. Эта довольно крупная для 1830-х годов сумма помогла Валериану расплатиться с кредитом и наладить торговлю. Молодые люди познакомились, когда Анна под видом обычной покупательницы в очередной раз пришла в лавку к Валериану. Между ними постепенно возникли романтические чувства, и история закончилась хеппи-эндом – свадьбой.

В романе любовные переживания юной купеческой дочери удачно сочетаются с ее прагматическими представлениями о «правильном» ведении бизнеса, основанными на умении считать деньги и благоразумно инвестировать свободные средства в развитие дела. Здесь представлена скорее типичная, чем необычная ситуация. Вопреки господствующим у современных людей представлениям, в XIX веке русские женщины воспитывались в атмосфере, предполагавшей, что персона женского рода должна уметь наравне с мужчиной разбираться в вопросах финансов, заключения сделок по торговле и недвижимости. Причем, как будет далее показано в книге, это относилось к женщинам всех экономически активных сословий: дворянкам, купчихам, мещанкам и отчасти крестьянкам, переселившимся в город.

Глава 1. Образ русской женщины и его метаморфозы

В истории России XIX – начала XX века было немало выдающихся женщин. Среди них императрицы-благотворительницы – как супруга Александра III Мария Федоровна, сестры милосердия – как великая княгиня Елена Павловна, университетские профессора – как Софья Ковалевская.

Были героические натуры и среди женщин из купечества, державших крепкой рукой семейный бизнес. Пожалуй, самой яркой из них была Мария Федоровна Морозова, в течение двадцати лет возглавлявшая крупнейшее в России текстильное предприятие – Никольскую мануфактуру, где трудились более 25 тысяч человек.

Но эта книга не только про женщин. Она про богатство, которое стремились заработать, сохранить или удержать женщины, по своей воле или в силу обстоятельств встававшие во главе бизнеса. Этот бизнес мог достаться от родителей, от мужа или создавался самостоятельно с нуля. Каково было отношение этих женщин к богатству? Какие стратегии развития бизнеса они избирали? Менялся ли при этом женский характер? Удавалось ли предпринимательницам совмещать твердость в отношениях в бизнесе с мягкостью и женственностью в семье?

В нынешнем научном и обывательском сознании образ русской женщины XIX века смутен. Наши современники представляют его по-разному. Одни думают, что то была скромница-затворница, воспитанная родителями в послушании и молчании. Другие, напротив, убеждены, что для того времени характерно появление женщин-личностей с независимыми от окружающих желаниями и стремлением к самостоятельным решениям.

Некоторые образы женщин XIX века, помещиц и купчих, знакомы нам еще из школьного курса русской классической литературы. Среди них – прижимистые и оборотистые, скупые и властные, как Арина Петровна из «Господ Головлевых» или Кабаниха из «Грозы». А была еще и глава пароходства миллионерша Васса Железнова. Но существовали ли вассы железновы в реальности или подобные героини – всего лишь литературная гипербола?

В последние двадцать пять лет историки обратили внимание на феномен женского предпринимательства в России. Оказалось, что женское затворничество, а также якобы определяющее влияние постулатов «Домостроя» на жизнь людей 200–250 лет назад, является мифом. Представление о том, что вплоть до наступления советской власти городские и деревенские женщины в России занимались исключительно домашним хозяйством и воспитанием детей, в то время как мужчины работали (по найму или самостоятельно) и обеспечивали семью, оказалось ошибочным. Конечно, в некоторых семьях царил (да и в наше время царит) патриархальный уклад. Но наряду с этим в XVIII–XIX веках в России существовала целая когорта женщин, исполнявших роль жены и матери одновременно с ролью главы семейного дела.

Законодательство: Кто в России мог заниматься предпринимательством?

Развитие экономики современного типа и российского предпринимательства в XIX столетии вывело на общественную арену фигуру женщины-предпринимателя. В основном предпринимательницы принадлежали к купеческому и дворянскому сословиям, но также были мещанками, крестьянками, солдатками, женами и дочерьми священнослужителей. Занятие торговлей разрешалось любому жителю России за исключением: православных, католических и протестантских священников, мулл, монахов; дворян, находившихся на государственной или губернской службе по выборам; находившихся на службе нижних воинских чинов; евреев-поселенцев; маклеров, нотариусов и таможенных чиновников.

В крупном бизнесе в основном были заняты купчихи и дворянки. В среднем и мелком доля купчих и дворянок весь XIX век доходила в сумме до 80–85 %. Для того чтобы заниматься предпринимательством, необходимо было получить специальное «купеческое свидетельство» и платить государству налог в зависимости от оборотов.

Законодательство о торговле, действовавшее в XVIII–XIX веках, стало складываться еще при Петре I. В 1721 году был издан «Регламент, или Устав Главного Магистрата». Верхушка городского непривилегированного населения (то есть лица, не входившие в аристократию) подразделялась на две гильдии. В первую гильдию входили «банкиры, знатные купцы, которые имеют отъездные большие торги и которые разными товарами в рядах торгуют, доктора, аптекари, лекари, шиперы купеческих кораблей, золотари, серебрянники, иконники, живописцы». Во второй числились лица с меньшими доходами: торговцы «мелочным товаром и харчевым припасом», ремесленники, резчики, токари, столяры, портные, сапожники – то есть самостоятельные хозяева, не состоявшие у кого-либо в найме.

В 1742 году разделение на гильдии было подтверждено, только гильдий стало три. Само их устройство было продиктовано необходимостью взимания налогов – подушных денег. При записи в гильдии требовалось указать личные данные: «где кто жительство имеет, в котором приходе и урочище, и своим ли двором или <...> в наемном углу, что ему лет и детям, <...> также торг или ремесло какое имеет, и ежели торгует, в котором ряду».

Уже в первой половине XVIII века купеческое дело вели и женщины. Например, в списке владельцев московских лавок 1736–1745 годов находим Татьяну Коробейникову (жену купца 1-й гильдии Алексея Коробейникова), торговавшую в Шапочном женском ряду. В торговых помещениях, «идучи с Никольской улицы из Ветошного ряду», находилось несколько лавок Алены Чеканшиковой (жены купца 1-й гильдии Ивана Чеканшикова). Тринадцать «затворов» – торговых мест в виде окна с прилавком – там же, на Никольской, да еще шесть в Серебряном ряду принадлежало Марфе, дочери купца 1-й гильдии, гостя (купца привилегированной Гостиной сотни) Андрея Остафьевича Филатьева.

В 1785 году было дано четкое описание распределения купцов по трем гильдиям. Согласно «Грамоте на права и выгоды городам Российской империи» (известной как Жалованная грамота городам), записываться в гильдии по статье 92 «О гильдиях и гильдейских выгодах вообще» разрешалось любому – мужчине или женщине, старому или молодому. Главное – чтобы человек при записи в гильдии «объявил капитал» и в период с 1 ноября по 1 января каждого года уплатил гильдейский сбор. Это давало ему право весь следующий год руководить фабрикой или вести оптовую либо розничную торговлю. Купцы приобретали купеческий сословный статус, который давал им определенные права и обязанности и делал до известной степени независимыми правоспособными гражданами (в отличие от крепостных крестьян, бесправных перед помещиком).

Если же заниматься коммерцией желали дворяне, они должны были записаться в гильдии (в 1-ю или 2-ю) и платить государству подать с капитала. Но при этом оставаясь дворянами, в отличие от представителей всех других сословий, от которых требовалось перейти из прежнего сословия в купечество.

Гильдейские правила 1785 года действовали семьдесят восемь лет – до 1863 года.

По этим «екатерининским» правилам купцы разделялись на три гильдии по размеру своих торговых или промышленных оборотов. В 1-ю гильдию записывались лица при объявлении капитала от 10 до 50 тысяч рублей. Согласно Городовому положению, первогильдейцам «не токмо дозволяется, но и поощряется производить всякие внутри и вне Империи торги, товары выписывать и отпускать за море, оные продавать, выменивать, и покупать оптом или подробно», а также «иметь или заводить фабрики, заводы, и морские всякие суда» и «ездить по городу в карете парюю».

Во 2-ю гильдию записывались лица при объявлении капитала от 5 до 10 тысяч рублей. Закон сообщал, что им дозволялось «производить всякие внутри Империи торги, и товары возить водою и сухим путем, по городам и ярманкам, и по оным продавать, выменивать и покупать потребное для их торгу оптом или подробно». В 3-ю гильдию – лица с капиталом от тысячи до 5 тысяч рублей, которым дозволялось производить «мелочной торг по городам и по уезду, продавать мелочной товар в городе и в округе, и тот мелочной товар возить водою и сухим путем по селам, селениям и сельским торжкам, и на оных торжках продавать, выменивать, и покупать потребное для мелочного торгу оптом или подробно».

В 1794 году для поступления в 1-ю гильдию нижний порог был поднят до 16 тысяч рублей, во 2-ю – до 8 тысяч, в 3-ю – до 2 тысяч.

В соответствии с разделением на гильдии купцы платили пошлины. В ходе гильдейской реформы 1824 года цена промысловых свидетельств для купцов 1-й гильдии была установлена 2200 рублей, 2-й гильдии – 880 рублей, 3-й гильдии – 220 рублей. Дополнительно купцы платили пошлину за каждое торговое место: цена билета на лавку составляла 100 рублей для 1-й и 2-й гильдий и 75 рублей – для 3-й.

Эта система просуществовала до 1863 года, когда разделение на три гильдии было заменено разделением на две гильдии. С 1863 года купцы 1-й гильдии платили сбор в размере 265 рублей в год (серебром, которое шло к ассигнациям по курсу 1 к 3,5). Они могли производить оптовую и розничную торговлю по всей империи русскими и иностранными товарами, для чего содержать амбары, лавки, магазины без ограничения их числа (за каждую лавку доплачивался так называемый билетный сбор в размере 30 рублей); принимать подряды; содержать фабрики и другие промышленные заведения. Обороты купцов 2-й гильдии были меньше, место торговли для них ограничивалось только тем городом или уездом, где они брали купеческое свидетельство. Второгильдейцы платили сбор в размере от 25 до 65 рублей в зависимости от величины города, где вели операции. За каждую лавку они доплачивали от 5 до 20 рублей.

Как женщины записывались в купечество

Для женщин существовало несколько вариантов доступа в купечество. Наиболее распространенным был вариант, когда купеческие вдовы наследовали бизнес после смерти мужа или незамужние купеческие дочери – после смерти отца: женщина переоформляла на себя документы, в которых отныне числилась главой хозяйства.

Причисление в купеческое сословие из крестьянского или мещанского сословий было более сложным. По Городовому положению (1785) отпущенные от помещиков на волю крепостные крестьяне имели право переселиться в город. Но это не означало, что они могли собрать свои пожитки, запрячь лошадь, сесть в повозку и уехать. Живя в деревне или в другом городе, эти люди платили налоги и подати в своей местности и состояли в городском обществе или сельской общине. При переезде им следовало отписаться от прежнего общества и договориться на новом месте жительства, в какое сословие они поступят, чем будут зарабатывать себе на пропитание и как будут платить налоги – по купечеству, по мещанству или станут ремесленниками-цеховыми.

Но отписаться от прежнего сословия по месту исходного жительства было не так-то просто. Уехать можно было в любой год, однако окончательный переход был возможен только в годы ревизий – переписей населения, проводимых для учета всех налогооблагаемых лиц. Ревизии проводились редко – например, в 1762–1764, 1782, 1795, 1810–1811, 1815, 1833–1834, 1850 и 1857–1858 годах, всего восемь раз за сто лет.

Бюрократическая процедура перехода из сословия в сословие включала несколько шагов. По общим правилам, крестьянину или крестьянке надо было вначале отпроситься у помещика или сельской общины (если крестьяне принадлежали к казенным или удельным). Потом – получить согласие купеческой корпорации того города, куда желала поступить кандидатка в купчихи. Далее переход оформлялся в Казенной палате (учреждении по налогам) соответствующего региона с последующей подачей сведений в Сенат. При возникновении сложных случаев при перечислении из крестьян в городские сословия казенные палаты должны были обращаться к министру финансов, который передавал решенное дело в Сенат или отказывал, и тогда переезд отменялся.

Переход в другое сословие, особенно из низшего в высшее, был сложен не только бюрократически. Для этого надо было иметь много денег, которые порой копили годами и даже десятилетиями. Если, допустим, разбогатевшая крепостная крестьянка с семейством хотела переехать в город, она должна была ежегодно платить подать «по крестьянству» за себя и всех членов семьи на прежнем месте жительства, а при переезде еще и «по купечеству» – на новом месте жительства. Эта система называлась «двойной оклад». «Двойной оклад» можно было прекратить только в годы ревизий, после чего семья получала право числиться в новом сословии и платить налоги только на новом месте жительства. Как видим, финансовое обременение при смене сословия было тяжелым, доступным отнюдь не для всех.

Если, например, семья переезжала в 1799 году из деревни в Москву, она должна была платить «двойной оклад» – в деревне и в Первопрестольной – до следующей ревизии, то есть до 1811 года, целых двенадцать лет.

Были и другие имущественные и денежные особенности перехода для разных сословий. Например, кроме крестьян, принадлежавших помещику, в России были казенные крестьяне. Они принадлежали казне, государству. В их число были включены и так называемые экономические крестьяне, которые принадлежали Департаменту экономии и платили оброк в казну (а не помещику). При переезде в город они должны были пройти процедуру отказа от своего земельного надела в пользу общины и одновременно внести в купеческое общество, куда поступали, денежный залог в размере трехгодичной подати по новому званию. Удель-

ные крестьяне (принадлежавшие царской семье) для получения «увольнительной» в Департаменте уделов, кроме других справок, были обязаны представить свидетельство о наличии у них капиталов. Закон гласил: «Поселян, кои, по усмотрению их имущества, найдутся в состоянии предьявить в звании купеческом знатные капиталы, увольнять со взносом». То есть разбогател – плати общине. Размер «увольнительного взноса» по закону 1798 года определялся приговором общины, утвержденным в вышестоящей бюрократической правительственной инстанции – Департаменте уделов. Все мужчины – главы домохозяйств села или деревни – на общем собрании (сходе) принимали решение, сколько взять с решившего уйти в город крестьянина. При этом 7/8 взноса поступало Департаменту уделов в «доход Удельный», а 1/8 – на благотворительные нужды общины для «вспоможения поселянам, пришедшим в расстроенное состояние».

Таким образом, чтобы переехать из деревни в город крестьянин должен был собрать объемный комплект документов, заплатить подати за несколько лет на старом и новом местах, а также договориться о переезде сразу в нескольких инстанциях. Но желающих переселиться в город это не останавливало. Они прилагали огромные усилия, чтобы осуществить мечту и стать свободными горожанами.

Приведем в качестве иллюстрации к законоположениям несколько случаев, сведения о которых обнаружены в Центральном государственном архиве города Москвы.

Первый случай. В 1814 году экономическая «крестьянская женка вдова» Дарья Андреева из деревни Белково Московской губернии изъявила желание поступить в 3-ю гильдию московского купечества. В семье 60-летней Дарьи Андреевой, кроме нее самой, числились еще двенадцать человек, включая трех сыновей (42-летнего Карпа, 38-летнего Ивана и 34-летнего Игнатия) с женами (Ириной, Акулиной и Татьяной соответственно) и шесть внуков и внучек, по двое детей от каждого сына (Акулина, Дарья, Андрей, Фёдор, Домна и Лукерья). Чтобы решить вопрос о поступлении в купечество столь большого количества людей, Московская казенная палата обратилась с запросом в Петербург в Министерство финансов и далее – в Сенат. Сенат дал разрешение с условием, что будут уплачены крестьянские повинности. Затем Дарья Андреева представила в Казенную палату расписку в том, что обещает платить все государственные подати и соблюдать законы («ничего неблагопристойного и законам противного не чинить»). Расписка «за неумением грамоте» по прошению Дарьи Андреевой была подписана ее сыном Андреем. Через год, согласно ревизской сказке 1815 года, семья проживала в Москве в приходе Сергия Чудотворца в Рогожской в наемной квартире, а после рождения уже в Москве внука Козьмы в ней числилось четырнадцать человек.

Поручителями Андреевой при поступлении в московское купечество выступили три купца-москвича: купец 2-й гильдии Осип Горюнов, имевший «торг рыбой»; купец 3-й гильдии Семен Сафронов, торговавший лошадьми; купец 3-й гильдии Егор Ильин, торговавший шелком. Информация из ревизских сказок показала, что все три купца, выступившие поручителями, являлись бывшими соседями Андреевой по прежнему месту жительства – уроженцами соседних деревень Вохонской волости Богородского уезда Московской губернии. Вохонская волость была населена старообрядцами, среди которых было принято оказывать друг другу помощь и поддержку. Нельзя исключать, что кто-то из поручителей состоял с Дарьей Андреевой в родстве.

Второй случай похож на первый, но кандидатка в купчихи происходила не из столичной Московской, а более дальней – Ярославской губернии. В 1812 году причислилась в 3-ю гильдию московского купечества «экономическая крестьянка деревни Большое Бесово Рыбинской округи Ярославской губернии» 60-летняя вдова Акулина Бурмакина с тремя взрослыми детьми – сыновьями Парамоном (35 лет) и Евстратом (32 лет), дочерью Пелагеей, женами Парамона и Евстрата – Маврою и Федорою, внуком Арсением. Бурмакина была неграмотна, за нее в документах расписался сын Парамон. В одном из прошений о причислении в купечество

даются ее внешние приметы. Акулина Бурмакина была «росту среднего, глаза карие, волосы темнорусые».

Обнаруженная в архиве информация свидетельствует, что в купеческое сословие попадали женщины из разных социальных групп, вдовы и незамужние. Дадим краткий обзор персон.

В том же 1814 году в московское купечество поступили купеческая вдова из Калуги Ирина Хлебникова с пятью сыновьями (неграмотная), отпущенная от помещицы Мясоедовой дворовая девка Марья Подобедова (грамотная), вдова купца из Торопца Тверской губернии Анна Аксенова с двумя сыновьями (грамотная), московская цеховая, француженка Мария Дюлу (грамотная), экономическая крестьянка деревни Денисово Калужской губернии вдова Авдотья Горностаева с тремя сыновьями, пятью дочерьми и их семьями (неграмотная), дочь московского купца 1-й гильдии девица Варвара Грачева (неграмотная).

Поступившая в 3-ю гильдию Мария Дюлу торговала на Кузнецком Мосту французскими винами и модными товарами – шляпами, перчатками, шелковыми шейными платками, а также помадами и «благовонными духами».

Имущественное положение женщины в России

Почему мы имеем возможность говорить о необычном, в сравнении с другими странами, положении русской женщины в бизнесе? С одной стороны, бытует стереотип о приниженном, даже забитом ее положении в семье, а с другой – весь XIX век женщины владели в разных губерниях крупными промышленными предприятиями (число таких предприятий, начиная с 1870-х, перевалило за тысячу, численно составляя до 5–6 % всех предприятий в стране), в каждой губернии имелись сотни и тысячи предпринимательниц, самостоятельно ведущих бизнес.

При этом, однако, не следует абсолютизировать имущественную независимость женщин. Принцип раздельной собственности в браке причудливо сосуществовал с юридически зафиксированной зависимостью женщин от мужчин – жен от мужей, а дочерей от отцов – в личных правоотношениях.

Попробуем объяснить эту интригующую ситуацию с точки зрения законодательных норм.

Процитируем по Своду законов (издание 1866 года) формулировку положения о послушании родителям:

Дети должны оказывать родителям чистосердечное почтение, послушание, покорность и любовь; служить им на самом деле, отзываться о них с почтением, и сносить родительские увещания терпеливо и без ропота.

Если мы заглянем в Полное собрание законов Российской империи, то увидим, что в той или иной формулировке эти положения восходят к Соборному уложению 1649 года и Уставу благочиния, принятому Екатериной II. То есть эти нравственные нормы зафиксированы в XVII–XVIII веках и отражают прежде всего принципы христианской морали. Но в XIX веке благолепие в семейных отношениях нередко вступало в противоречие с жизненными практиками.

Что же происходило, когда девушка становилась взрослой и выходила замуж? Законы XIX века определяли, что с выходом замуж родительская власть над дочерью ограничивалась, поскольку «одно лицо двум неограниченным властям, каковы родительская и супружняя, совершенно удовлетворить не в состоянии».

О взаимоотношениях мужа и жены в Своде законов гражданских (из десятого тома Свода законов) говорилось:

во-первых, «Муж обязан любить свою жену, как собственное свое тело, жить с нею в согласии, уважать, защищать, извинять ее недостатки и облегчать ее немощи. Он обязан доставлять жене пропитание и содержание по состоянию и возможности своей»;

во-вторых, «Жена обязана повиноваться мужу своему как главе семейства; пребывать к нему в любви, почтении и в неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность»;

в-третьих, «Жена обязана преимущественным повиновением воле своего супруга, хотя при том и не освобождается от обязанностей в отношении к ее родителям».

Эти предписания закона были внесены в семейное право соответственно в 1782 (по Уставу благочиния Екатерины II), 1763 и 1802 году и, конечно, спустя несколько десятилетий, как показывает изучение частной жизни людей XIX века, уже воспринимались не как незыблемая юридическая норма, а как совет нравственного характера, высказанный законодателем.

Но жизнь менялась. В конце XIX века юристы находили противоречие между двумя предписаниями закона – «о повиновении воле супруга» и «о жизни с женой в согласии». Ибо

в этом случае, как отмечал известный профессор-юрист А. И. Загоровский, «мужнее полномочие имеет свои пределы». То есть если женщина была не согласна с супругом по каким-то вопросам, муж должен был пойти на компромисс, чтобы достичь согласия, не требуя от нее беспрекословного повиновения.

Законы – это всегда желаемое и генерализованное высказывание с точки зрения общественного блага, а жизненная практика богаче. Параллельно с законами о семейных отношениях имелись законы о ведении бизнеса, в которых тоже упоминалось о возможностях женщины вести деятельность вне семьи.

Что же говорило об имущественных правах женщины в XVIII и XIX веках законодательство Российской империи?

Главным различием между российским и западноевропейским законодательством было то, что, согласно российским законам, женщина пользовалась такими же имущественными правами, как и мужчина. То есть господствовал принцип раздельной собственности. После вступления в брак муж не получал юридических прав на имущество жены (поместье, дом, землю, мебель, одежду, драгоценности и прочее), как это было в других странах, например в Германии. Вспомним роман Томаса Манна «Будденброки», в котором наследница богатой купеческой семьи из Любека Антония дважды выходит замуж и отдает мужьям в безраздельное пользование большое приданое (в первом браке, с Грюнлихом, 80 тысяч марок, во втором, с Перманедером, – 51 тысячу), после обоих разводов не получив назад ни пфеннига и возвратившись к родителям не только с разбитыми надеждами, но и с пустыми руками.

В России каждый из супругов мог иметь и вновь приобретать свою отдельную собственность (через куплю, дар, наследство или иным законным способом). 14 июня 1753 года был принят закон, гласивший, что «жены могут продавать собственное их имение без согласия их мужей». Более того, супруги могли вступать друг с другом в отношения купли-продажи или передачи имущества по дарственной как совершенно посторонние лица. В 1825 году это было подтверждено специальным законоположением «Пояснение, что продажа имения от одного супруга другому не противоречит закону». Поэтому передача имущества внутри семьи от мужа к жене (и наоборот) осуществлялась только путем продажи или дара. В отличие от современного российского законодательства, в XIX веке не существовало такой категории, как «совместно нажитое в браке имущество». Каждый супруг наживал свое имущество отдельно, и по взаимному согласию супруги могли только пользоваться, например, городским особняком или сельской усадьбой, принадлежавшими одному из них.

Единоличное владение женщиной имуществом, среди которого могла быть фабрика или торговая фирма, благотворно повлияло на конфигурацию российского бизнеса и развитие женского предпринимательства. В архивных документах встречаются случаи, когда в одной семье могло быть две фирмы – своя у каждого из супругов.

Например, в 1830-е годы московская купчиха 2-й гильдии Авдотья – «по первом муже Шапошникова, а по втором Шомова» – имела фабрику хлопчатобумажных тканей. Изготовленными тканями она торговала «своим лицом» (как гласила юридическая формулировка того времени). Ее муж Савва Шомов состоял в 3-й гильдии и оптом продавал ситцы иваново-вознесенских и шуйских фабрик. Авдотья имела два дорогостоящих дома на Таганке и четыре лавки в Китай-городе. Муж жил с нею в одном из домов, но никаких прав на это имущество не имел и даже не мог на него претендовать. Авдотья предназначила все имущество своему сыну от первого брака Василию (к нему оно и перешло после ее смерти). Вполне вероятно, что между супругами даже существовал некий брачный договор, где это было оговорено.

В более поздний период (с 1876 по 1910 год) московская купчиха 1-й гильдии Наталия Михайловна Андреева возглавляла торговый дом «Королёв Михаил Леонтьевич» по продаже кожаной обуви, в то время как ее муж А. В. Андреев также «своим лицом» состоял в 1-й гильдии, торгуя чаем и колониальным товаром в своем магазине на Тверской.

Мы видим, что провозглашенный в законодательстве с середины XVIII века принцип раздельной собственности в браке работал очень эффективно.

В Своде законов Российской империи и по решениям Сената этот принцип в XIX веке был окончательно закреплён в формуле:

Имущество жены не только не становится собственностью мужа, но, независимо от способа и времени его приобретения (во время ли замужества или до него), муж браком не приобретает даже права пользования имуществом жены.

Право личного владения собственностью, прописанное в русском брачном законодательстве, сыграло ключевую роль в возникновении значительного слоя женщин-предпринимателей.

Следующий важный вопрос: при занятии бизнесом у женщин были равные права с мужчинами или принижённые, ограниченные? Согласно законодательству Российской империи, при занятии бизнесом женщины имели равные с мужчинами права. В изданном в царствование Екатерины II сенатском указе от 25 мая 1775 года «О сборе с купцов, вместо подушных [податей], по одному проценту с объявленного капитала и о разделении их на гильдии» говорилось: «Лица женского пола причисляются к гильдиям на одинаковом основании с мужским; незамужние по праву состояния (то есть сословной принадлежности к купечеству. – Г. У.), принадлежащего им по рождению, а замужние и вдовы по праву, приобретенному ими супружеством».

Статья 92 Жалованной грамоты городам гласила, что «дозволяется всякому, какого бы кто ни был пола, или лет, или рода, или поколения, или семьи, или состояния, или торгова, или промысла, или рукоделия, или ремесла, кто за собою объявит капитал выше 1000 рублей и до 50 000 рублей, записаться в гильдии».

Право женщин на ведение коммерческой деятельности обосновывалось также в законах о лицах купеческого звания: «По смерти начальника семейства может заступить место его вдова, взяв на свое имя купеческое свидетельство, со внесением в оно сыновей, незамужних дочерей... и внуков». И очень часто, даже при активной коммерческой деятельности помогавших взрослых сыновей, вдовы руководили семейным бизнесом.

Другим, менее распространенным вариантом была передача отцом дел фирмы незамужним (что оговаривалось в законе) дочерям при отсутствии наследников мужского пола. Если потом дочь выходила замуж, она продолжала вести свое дело. При этом ее муж мог быть самостоятельным купцом, дворянином или мещанином – такие варианты нередко встречаются в архивных документах.

Постепенно эти два пути – наследование бизнеса вдовой после мужа и наследование бизнеса дочерью после родителей – были дополнены третьим. Право устройства бизнеса получили замужние женщины.

Это произошло в 1857 году, когда было законодательно подтверждено право замужних женщин на самостоятельную торговлю. 10 июня был издан закон «О дозволении выдавать купеческим женам свидетельства для производства отдельной от мужа их торговли».

Тут надо сделать небольшое отступление и объяснить, что обобщенное понятие «торговля» включало все виды предпринимательства. В Торговом уставе были перечислены шесть категорий «торговых действий», в том числе пятая категория включала основные виды коммерческой и промышленной практики:

Содержание магазинов, ангаров, кладовых, лавок и погребов для складки товаров и продажи оных; также фабрик и заводов всякого рода, исключая заводов винокурных; содержание трактирных заведений; гостиниц, ресторанов и постоялых дворов, кофейных домов, ренсковых

погребов, питейных домов, портерных лавочек, харчевен, корчем, рыбных садков, торговых бань и других торговых заведений».

Шестая категория включала «размен денег», которым тоже занимались женщины. Самый известный пример – московская семья Булочкиных. После смерти главы семьи Андреяна в 1827 года семейное дело возглавила его вдова Акулина Максимовна. Вначале это была торговля серебром, позже – «размен денег».

Меняльное дело было выгодным и востребованным, так как в денежной системе России имели хождение деньги металлические и бумажные. По Манифесту 1839 года главной платежной монетой стал серебряный рубль, и все сделки велено было рассчитывать на серебряную монету. Курс был неизменный: один рубль равнялся трем с половиной рублям ассигнациями. Ассигнации были с 1843 года заменены бумажными «кредитными билетами», которые в просторечии по привычке продолжали называть ассигнациями. Менялы брали комиссию три копейки с рубля. При огромных оборотах в Китай-городе купцы шли к надежным менялам, как рыба на крючок во время клева, и хозяева меняльных контор быстро богатели. Акулина состояла во 2-й гильдии, имела большой дом в Замоскворечье, стоивший 10 тысяч рублей серебром. После смерти Акулины меняльный бизнес перешел к двум ее сыновьям – Максиму и Афанасию. А после кончины Афанасия его фирма по размену денег в 1860–1875 годах перешла вновь в женские руки – к его вдове Прасковье, состоявшей уже в 1-й гильдии.

Вернемся к вопросу об отдельном от мужа бизнесе. Конечно, и до 1857 года замужние купчихи получали гильдейские свидетельства, но в каждом отдельном случае разрешение выдавалось в виде исключения. С течением времени таких случаев, когда у каждого из супругов имелся собственный бизнес, становилось все больше. Но одно дело – отдельные случаи, и другое – создание юридической нормы, которая означала, что в дальнейшем частным лицам каждый раз не придется пробивать бюрократическую броню при получении разрешения.

Закон был принят после того, как купчиха Белкина подала просьбу на имя императора Александра II разрешить ей отдельную от мужа торговлю. Император отправил заявление купчихи министру финансов. Министр финансов П. Ф. Брок вошел с соответствующим представлением в Государственный совет, где дело было решено положительно. Закон дополнялся пояснением, что «купеческие жены могут производить торговлю от своего лица», но при этом предъявлять в уездные казначейства при оплате пошлин «письменные удостоверения о согласии на то их мужей» (позже условие о согласии мужа было отменено).

В Положении о пошлинах за право торговли и промыслов (1870) было разъяснено: «Сын или дочь, достигшие совершеннолетия, могут взять на свое имя купеческое <...> свидетельство <...>; но при взятии отдельного свидетельства они должны быть выписаны из купеческого свидетельства своих отца или матери, и за сделанные ими по собственной их торговле долги отвечает одно собственное их имущество». То есть с последней трети XIX века женщины могли заниматься предпринимательством беспрепятственно.

Впрочем, одно ограничение действовало, но оно не было гендерно обусловлено. В случае банкротства главы семейства мужского пола его жена не могла тут же взять купеческое свидетельство на свое имя и вести коммерческую деятельность. Она должна была дожидаться расследования по банкротству супруга. Такое расследование могло длиться от полугода до пары лет. После полного закрытия дела ей позволялось открыть собственный бизнес.

Был еще один важный момент в действии принципа раздельной собственности: жена никогда не отвечала за долги мужа. В случае банкротства мужа юридическое решение было таким: «если жена и дети несостоятельного не участвовали в торгах», их «собственное имение не поступает в состав массы», то есть имущества, которое предназначалось для уплаты долгов кредиторам.

Таким образом, в течение XIX – начала XX века право женщины на занятия бизнесом было незыблемым и им могли воспользоваться женщины всех сословий – в том числе дворянки, купчихи, мещанки, крестьянки, жены и дочери церковнослужителей и все остальные.

«Одеть армию»: Предпринимательство аристократок в суконной промышленности

Остановимся подробнее на положении в тех отраслях, где было много женщин-владелиц, начав с суконной отрасли. В 1814 году в России было всего 235 суконных фабрик, из них 29 (12,3 %) были во владении женщин. В 1814 году 26 из 29 владелиц суконных предприятий принадлежали к дворянству, и только у трех фабрик хозяйками были купчихи.

По статистике 1832 года женщины владели 69 суконными предприятиями из имеющихся в стране 424, то есть 16,3 %. В числе владелиц были 64 дворянки и только пять купчих.

В суконной отрасли действовали старые предприятия, и на нее распространялась политика протекционизма, то есть государственной поддержки. Почему же государство проявляло такую заинтересованность именно в производстве сукна и как это коррелировало с тем, что суконными предприятиями владели преимущественно дворянки? Здесь существовала целая когорта дворянских суконных предприятий с крепостными рабочими.

Для того чтобы понять, почему в суконной промышленности господствовало дворянство, следует заглянуть в историю и законодательство XVIII века. Суконная промышленность в России изначально развивалась для обеспечения потребностей армии в мундирном сукне. В XVIII веке Европу сотрясали бесконечные войны за передел территорий, и России приходилось содержать большую армию, в которой солдаты, призванные по рекрутскому набору, служили пожизненно, а с 1793 года – 25 лет и с 1834 года – 20. К концу царствования Петра I (начало 1720-х) в армии числились 300 тысяч человек на 13 миллионов населения. В начале 1850-х годов – почти 2 миллиона человек на 65 миллионов населения (по данным ревизии 1850 года). Армию необходимо было обеспечить обмундированием, в основном шерстяным. Для этого следовало изготавливать сукна «по образцам» и поставлять их в Кригс-комиссариат, что было предписано Суконным регламентом 1741 года. Костюм воина состоял из кафтана до колен, штанов, камзола и епанчи (суконной накидки), на голове – треугольная шляпа, так называемая поярковая, то есть валяная из овечьей шерсти первой стрижки с овец в возрасте до года.

Для поощрения суконного производства дворянам и купцам при Петре I и последующих монархах по законам 1721 и 1744 года для работы на фабриках разрешалось покупать крестьян целыми деревнями. (С 1797 года этот разряд рабочей силы получил специальное название – посессионные крестьяне.) Поскольку купцы не имели значительных капиталов для подобных покупок, этой возможностью смогли воспользоваться в основном дворяне.

Наряду с покупными использовались так называемые приписные – государственные крестьяне, которые «приписывались» для отработки оброка к предприятиям частных владельцев в тех случаях, если предприятие выполняло казенные заказы.

Императрица Анна Иоанновна в 1732 году издала указ о мерах «к умножению суконных фабрик для удовольствования сукнами войск, без покупки иностранных». Тем самым была поставлена задача обходиться без импорта сукон, главным поставщиком которых в Россию и другие страны Европы в XVII–XVIII веках были Голландия и Англия.

В 1769 году при Екатерине II был принят указ, позволявший всем желающим заводить ткацкие станы (с уплатой пошлины по 1 рублю за стан). Это свидетельствовало о расширении свободы предпринимательства. Стали возникать купеческие предприятия, производившие сукна для продажи на свободном рынке. К концу XVIII века сложилась система, при которой казна закупала часть сукон для армии у «обязанных» (посессионных) фабрик, а недостающие – на свободном рынке.

Однако нехватка армейских сукон в 1790-е годы вновь заставила вернуться к системе поддержки отечественной суконной промышленности. Павел I в январе 1798 года издал закон о поддержке фабрик, производивших солдатское сукно, выдаче беспроцентных ссуд на устройство фабрик в шести губерниях (где было развито овцеводство), а также запретил вывоз черной овечьей шерсти за пределы России. «Денежные от казны ссуды» на устройство суконных фабрик предусматривались и в последующее время, например по закону 1808 года.

Одновременно регулировались стандарты изготовления сукна на разных фабриках. В XVIII веке встала проблема унификации форменной одежды, потому что окраска ткани на разных фабриках различалась не только по оттенкам, а иногда и по цвету: солдаты ходили в разнопёрой униформе, на что постоянно сетовало военное начальство. В 1816 году императоро-

ром Александром I был заслушан и утвержден доклад военного министра «О крашении на фабриках сукон, поставляемых для войск, в одинаковый темно-зеленый цвет».

Вместо окраски сукон по имевшимся ранее четырем образцам было разрешено красить исключительно в один темно-зеленый цвет определенного оттенка. Такой устойчивый цвет давала только иностранная краска (пригодную русскую стали выпускать позже, уже в 1830-е годы). Поэтому военный министр предложил, чтобы фабриканты, не имевшие соответствующей иностранной краски, продавали Кригс-комиссариату некрашенные белые и серые сукна, и эти неокрашенные сукна одинаково окрашивали бы на комиссариатской Павловской государственной суконной фабрике.

В какой-то момент развитие суконной промышленности достигло значительного уровня. Сукна на армию стало хватать, и в 1816 году система поменялась – посессионные фабрики были освобождены от обязательства поставлять сукно. Был создан Комитет снабжения войск сукнами, который каждый сентябрь объявлял торги на поставки армейского сукна.

1825 год стал переломным в поставках сукна казне для нужд армии. В «Коммерческой газете» за весну 1825 года находим информацию о том, что привозимые через петербургский и таганрогский порты сукна предполагалось браковать, если оттенок сукна был темнее травяного цвета, и не впускать в Россию:

В течение 1825 года сукна, полусукна, драп, драдедам, казмиры и трико зеленые темнее травяного цвета, также оливковые и бурые с зеленоватым отливом, если хотя мало подходят под разные оттенки мундирного цвета (verd Dragon ou verd Russe) высылать по разрешению министра финансов обратно.

Примерно в это же время, в феврале 1825 года, был издан закон, предписывавший «всем казенным местам» и учебным заведениям «нужные для них сукна и шерстяные материи заготовлять на российских фабриках». Решение было принято, чтобы ликвидировать зависимость армии от иностранных поставок сукна. С 1826 года было решено вообще не принимать импортные сукна и «с привозимыми поступать по общим о запрещенных товарах правилам».

Армия от этого не пострадала, поскольку отечественная промышленность уже справлялась с производством необходимых шерстяных тканей самостоятельно. Дело столь наладилось, что, как сообщал «Журнал Министерства внутренних дел», «две трети производимых в 1820-е годы в Российской империи шерстяных тканей представляли солдатские сукна».

Вышесказанное объясняет, почему суконные фабрики были столь важны и почему ими владели преимущественно дворяне и дворянки. Кроме того, фабрикантам было выгодно получать казенные заказы – это гарантировало деньги за продукцию.

Большая часть дворянских предприятий располагалась в собственных имениях, и работали там крепостные крестьяне.

По статистике 1814 года, владельцами суконных предприятий были: княжна Варвара Шаховская (фабрика в Московской губернии), графиня Степанида Толстая (в Нижегородской губернии), княгиня Варвара Долгорукова (в Пензенской губернии), графиня Александра Лаваль (в Пензенской губернии), княжна Александра Волконская (в Саратовской губернии), графиня Наталья Зубова (в Симбирской губернии), графиня Прасковья Потемкина (в Курской губернии) и другие.

В 1832 году среди собственниц помещичьих суконных фабрик продолжала главенствовать аристократия: супруги генерал-майоров Ольга Потемкина (в Курской губернии), Екатерина Столыпина (в Саратовской губернии), Екатерина Болговская (в Калужской губернии), Вера Ивашева (в Симбирской губернии), супруга тайного советника Прасковья Мятлева (в Симбирской губернии), графиня Аграфена Закревская (в Нижегородской губернии) и многие другие, о которых пойдет рассказ далее.

По данным 1814 года, крупнейшим из предприятий, принадлежавших женщинам, была находившаяся в селе Глушково Курской губернии фабрика по производству солдатского сукна графини Прасковьи Потемкиной. На этой фабрике на 553 станках трудились 9413 покупных и приписных рабочих. За 1814 год было произведено 552 731 аршин (392 439 метров) сукна, в том числе 76 % солдатского.

Но большая часть предприятий представляла собой фабрики, где трудились от 10 до 60 крепостных крестьян. Из 29 предприятий труд вольнонаемных использовался только на шести, в частности у Степаниды Алексеевны Толстой в Ардатовском уезде Нижегородской губернии (742 рабочих).

Смешанный состав рабочих (вольные и крепостные) был на двух предприятиях: на фабрике по выпуску солдатского сукна генерал-лейтенантши Анны Пановой в селе Кротовке Сызранского уезда Симбирской губернии и на фабрике «шляхтянки» Гибнер близ местечка Ксаверово Волынской губернии.

Екатерина Аркадьевна Столыпина (1791–1853) была дочерью генерал-майора Аркадия Никаноровича Анненкова (?–1797) и Прасковьи Александровны Болтиной (1763–1828). Она была замужем за генерал-майором Дмитрием Алексеевичем Столыпиным (1785–1826), родным братом бабушки М. Ю. Лермонтова. Екатерине Аркадьевне после смерти мужа принадлежала фабрика по производству солдатских сукон в деревне Крутец Саратовского уезда Саратовской губернии. Оставшись вдовой, Столыпина занималась предприятием, унаследованным от мужа. Внук Е. А. Столыпиной – Петр Аркадьевич Столыпин (1862–1911) был председателем Совета министров Российской империи (1906–1911).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.